

Четвертооктябрьский политический режим: социальная сущность и перспективы

История России сложилась так, что начало и конец XX в. она встречает в условиях острого общественного кризиса, имеющего сходные причины: нерешенность задачи аграрно-промышленной модернизации в начале века и перехода к постиндустриальному обществу в его конце — на протяжении всего столетия в области социально-экономической и демократического переустройства государственной системы — в области политической. Первый общественный кризис привел к революции 1905—1907 гг. Государственный переворот 3 июня 1907 г., осуществленный П.Столыпиным с санкции царя Николая II, завершил эту революцию и положил начало так называемой третьеиюньской политической системе и соответствующему ей политическому режиму.

Общественно-политический кризис второй половины 1980-х и начала 1990-х годов стал исходным пунктом революционно-демократического процесса 1985—1993 гг. Конец ему положил государственный переворот 21 сентября — 4 октября 1993 г., совершенный Президентом Б.Ельциным. В результате этого государственного переворота установилась четвертооктябрьская политическая система и, соответственно, четвертооктябрьский политический режим. Вводимый нами в политический словарь неологизм для идентификации и названия новой политической системы, пришедшей на смену послеавгустовской 1991 г., восходит к прецеденту — третьеиюньской системе. Для этого есть основания и в поразительной схожести двух событий — 1907 г. и 1993 г., — разделенных 87 годами, схожести, создающей впечатление, что оба события разворачивались по одному сценарию, хотя и с разными режиссерами и актерами.

Генезис системы. Провокации, ложь, грязь и насилие присущи любому государственному перевороту. Современные "демократы" и "либералы" по всем названным "показателям" превзошли Николая II, имевшего уже к тому времени прочную репутацию "кровового". Для роспуска II Государственной думы Столыпин прибег к провокации, обвинив думскую социал-демократическую фракцию в подготовке "военного заговора", арестовав без согласия Думы ее членов, а затем осудив 15 депутатов. В наше время в попытке "военного мятежа" были обвинены депутаты Верховного Совета и его сторонники (разумеется, "красно-коричневые"). В указе по случаю роспуска II Государственной думы царь назвал ее состав "неудовлетворительным", облегчив поиск аргументации для своих некоронованных последователей. Справедливости ради отметим, что разгон Думы был осуществлен вполне гуманно: без стрельбы по Таврическому

дворцу и без избивания депутатов. 3 июня 1907 г. был изменен без согласия Думы и избирательный закон. По новому закону, который сами же царские сановники назвали "бесстыжим" (Николай II, которого ныне ретивые апологеты изображают не иначе как народолюбом, из трех вариантов избирательного закона, смеясь, выбрал именно "бесстыжий"), были ограничены избирательные права крестьян и рабочих в пользу помещиков и крупной буржуазии. Нашим нынешним правителям менять избирательный закон не потребовалось. Оказалось достаточным предельно понизить квоту голосующих избирателей, чтобы считать выборы состоявшимися. Рабочих и крестьян в результате выборов 12 декабря 1993 г. в V Думе стало намного меньше, чем в I—IV Государственных думах.

Наконец, схожесть двух событий проявилась и в их социально-историческом назначении: в первом случае — ускорении капиталистического развития России, во втором — построении неокapи-тализма в конце XX в.

Нам пока неизвестны масштабы провокации, учиненной правящими кругами в дни государственного переворота 21 сентября — 4 октября 1993 г. Но несопоставимость стольпинской провокации с "демократической" очевидна. Уже две предшествующие попытки переворота — в декабре 1992 г. и марте 1993 г. — были провокационными в отношении Верховного Совета и конституционного строя, показав, что над ними нависла смертельная опасность. 3 и 4 октября несостоятельность А.Руцкого и Р.Хасбулатова, недавних сподвижников Ельцина, в те дни претендовавших на роль вождей народного движения, позволила третьей провокации реализоваться. В результате ее жертвой стали не только парламент и его депутаты, но и тысячи искренних приверженцев демократии и парламентаризма, выступивших на защиту Белого дома.

Политическая бесстыжесть, циничная эксплуатация человеческих пороков и грязь сопровождали все действия властей в те дни. Чего стоит один только открытый подкуп части депутатов Верховного Совета РФ, вплоть до заместителей его председателя! Кровавое насилие, апогеем которого стал расстрел парламента и многих сотен неповинных людей, навсегда покрыло позором наших "танковых демократов". Кстати сказать, они утратили какое-либо морально-политическое право обвинять большевиков в приверженности к насилию и террору в годы революции и гражданской войны.

Напомнить о кровавых и грязных обстоятельствах насильственного изменения конституционного строя 21 сентября — 4 октября 1993 г. необходимо, прежде всего, для того, чтобы яснее представить себе, во-первых, каков генезис новой политической системы и, во-вторых, какой неизгладимый отпечаток все это изначально наложило на нее, ее творцов и деятелей. Как показали события в Чечне, наши государственные мужи иных способов решения конфликтных ситуаций, кроме кровавого насилия, не знают.

Каковы же были движущие мотивы последнего государственного переворота и каков его социально-исторический смысл! Сознательным уводом в сторону от подлинных причин является распространяемое не только официальными лицами правящего режима, но и проправительственными СМИ (а это все телевидение, радио и

почти вся печать) представление, будто причиной разгона Верховного Совета и последующих событий были противоборство парламента и исполнительной власти, приведшее к нетерпимому двоевластию и даже единовластию Советов. Людей запугивали и угрожой установления диктатуры Руцкого — Хасбулатова.

Спору нет, противоборство между представительной властью в лице Верховного Совета и взлелеянным им же Президентом имело место, особенно в последний год, и послужило удобным поводом для инициаторов переворота. Но чистейшим мифом были и остаются утверждения о единовластии Советов. Чего не было — того не было (по крайней мере, с середины 1918 г.). Коренные причины четвертооктябрьского переворота надо искать в происходящей на наших глазах ускоренной смене общественно-политического строя. Следует отдать себе ясный отчет в том, что без гигантского насилия над народом и его систематического ограбления нельзя осуществить новый социальный эксперимент по буржуазной трансформации всех общественных структур — от политической надстройки до духовной культуры и образа жизни большинства населения. Естественно, что насаждение капитализма сверху в ходе экономической реформы Б.Ельцина — Е.Гайдара, притом в его наихудшей, компрадорской криминально-бюрократической форме, не могло не породить сопротивления в широких народных массах. Массы, поверившие Президенту и его Правительству, почувствовали себя обманутыми и "качнулись" в сторону Белого дома, увидев в нем защитника от катастрофических последствий реформ. Этот рост недовольства масс страшил правящие круги. Агнонизовавший и слишком демократический послеавгустовский режим хотя и пытался, но не мог справиться с нараставшим недовольством народа. Отсюда та свирепая жестокость, с которой расправились с парламентом, поскольку часть депутатов — вольно или невольно — стали выразителями этого недовольства. Не довольствуясь тем, что экономическими трудностями правящие круги вергли большинство народа в политическую апатию, они решили дать прозревшему меньшинству, т.е. добросовестным демократам, такой предметный урок расправы, чтобы раз и навсегда сломить всякую попытку сопротивления антинародной политике верхов.

Без силового разгрома оппозиции Президент и его команда не могли обойтись еще по следующим взаимосвязанным политическим причинам. *Первая.* Навязав стране капиталистический путь развития, надо было покончить с рудиментами власти Советов как потенциального народовластия и утвердить в России обычную буржуазную государственность, причем псевдодемократического характера. *Вторая.* Правящей группкой деятелей двигало и двигает беспредельное, самоопьяняющее, говоря словами М.Вебера, стремление к бесконтрольной власти, от которой до диктатуры один-два шага. Не секрет, что наши "демократы", за отдельными исключениями, спят и видят установление президентской диктатуры.

Новая система в действии. Естественно, встает вопрос о степени легитимности четвертооктябрьского политического режима. Источник его легитимности, как и у всякого режима, вышедшего из госпереворота, — в штыках, в нашем случае — в танках. Выборы 12 декабря 1993 г. в Государственную думу и референдум по Конституции, при-

званные узаконить результаты переворота 21 сентября — 4 октября 1993 г. и подвести конституционную базу под новую политическую систему, при всей сомнительности их официальных итогов, лишь подчеркнули шаткость власти Президента. Как известно, он был избран в другом государстве — РСФСР, на основе другой, опрокинутой им же Конституции. Получается, что новый парламент — Государственная дума, при всей оскопленности ее прав, легитимнее Президента. Сомнительна и легитимность такой Конституции, за которую проголосовало менее одной трети от имеющих право голоса.

Стоит, вероятно, напомнить, в каких антидемократических условиях рождалась новая Конституция*. Был представлен лишь один президентский проект Конституции, обсуждать который, а тем более критиковать, — беспрецедентный случай в мировой практике! — накануне референдума было строжайше запрещено; альтернативные проекты исключались.

Конституция 12 декабря 1993 г., если перейти на язык классовых понятий, представляет юридическую основу новой, буржуазной государственности — четвертооктябрьской политической системы. По форме нам дарована президентская республика. Фактически мы получили полумонархию (некоронованного монарха), а точнее, имперское президентство, в стремлении к которому когда-то в США обвиняли президента Р.Никсона. Выброшен вон фундаментальный принцип разделения властей, о чем "демократы" после многолетней шумихи хранят гробовое молчание. Президент сосредоточил в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной и, по существу, судебной власти (по его милости Конституционный суд, как известно, не функционирует), обладая единоличной монополией на определение главных направлений внутренней и внешней политики. Короче, Президент, как абсолютный владыка, сам законодательствует (посредством указов) и сам же управляет. В некоторых отношениях наш "демократический" Президент по неограниченности власти превзошел даже помазанника божьего — императора Николая II. Последний после революции 1905 г. вынужден был при принятии "Основных законов" (1906 г.) согласиться на известное, хотя бы словесное, ограничение своего самодержавия. Что их роднит, так это, во-первых, неподконтрольность обществу и полная безответственность. Напомню, что такой авторитетный социолог, как М.Вебер, считал безответственность одним из двух смертных грехов в политике**. Во-вторых, неприязнь, мягко говоря, к парламенту, готовность разогнать Государственную думу в любой подходящий момент. Не случайно третирование Думы и ее депутатов как до революции, так и ныне, вошло в практику царских и президентских чиновников.

Как известно, Президент, согласно Конституции, назначает и сменяет Правительство, которое фактически ответственно только перед ним и его аппаратом, навязывает свои кандидатуры на посты Генерального прокурора и членов Конституционного суда. Зловещий смысл имеет то, что руководство силовыми министерствами и

* Разумеется, по мнению некоторых публицистов, Россия ее буквально "выстрадала". См.: *Российские вести*. 1994. 21 сентября.

** См. *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 691.

назначение их глав находится в исключительной компетенции Президента. Это значит, что военно-карательные органы превращены в орудие его политики, которая далеко не всегда совпадает с государственными интересами. Даже "Росвооружение" — организация, ведущая экспортом оружия, — находится в ведении Президента. Но здесь действуют уже не политические соображения, а, выражаясь словами СВитте, "карманные интересы" президентского окружения. Дальше больше. По сообщению печати, формируются специальные элитные части в составе Московского военного округа, т.е. создается преданная лично Президенту, наряду с его охраной, преторианская гвардия. Упомяну также, что, в отличие от мало-мальски демократических государств, наши силовые министерства освобождены от парламентского контроля, что вдвойне опасно для страны, делающей первые шаги по пути демократии.

Парламент в лице Федерального собрания, вместо того чтобы быть высшим представительным органом, воплощающим суверенную волю народа, почти безвластен. Между тем именно он, как показывает опыт цивилизованных стран, является стержнем и стражем демократии. У нас же "демократы" распространяют то ли по недомыслию, то ли по злонамеренности (скорее, второе, чем первое) представление, будто гарантом и носителем демократии является... Президент. Как и при царе, права Государственной думы урезаны со всех сторон, и она во многом зависит от Президента. Она не имеет, по сути, права контроля за деятельностью Правительства, назначения и смены его главы и министров. Даже бюджетные права нынешней Государственной думы меньше, чем у дореволюционной. Она лишена, например, права контроля за расходами президентского аппарата.

Общезвестно, что творцы Конституции и организаторы декабрьских выборов хотели иметь лакейскую, "карманную" Думу. Этого не получилось. Но в дни чеченского кризиса депутаты Думы почувствовали свою полную беспомощность и бесправность.

Следовательно, только в насмешку над демократией и парламентаризмом можно говорить, что наше Федеральное собрание олицетворяет народовластие. Жалка участь Конституционного суда. Если добавить к этому, что в России нет развитой системы местного самоуправления, то вырисовывается просто удручающая картина еще более полного, чем прежде, отчуждения народа от власти на всех уровнях. Всеми делами на местах, как правило, вершат назначенные Президентом губернаторы и им подобные администраторы. За фасадом же торжественно провозглашенных в Конституции прав и свобод личности скрывается, как и в доброе старое время, бесправие, социальная и, особенно, физическая незащищенность граждан, отсутствие фактических гарантий со стороны органов власти, помноженное к тому же на беспредел преступности.

Пытаясь определить наш современный конституционализм, приходится обращаться к оценкам дореволюционного русского конституционализма и парламентаризма М.Вебером. Как и тогда, мы имеем "мнимый конституционализм" и квазипарламентаризм.

Немалую долю ответственности за злосклонения демократии в нашей стране несет, насколько ни странным может показаться мое утверждение, наша интеллигенция, в особенности творческая. В

самом деле. В стране вот уже несколько лет идет трудный и мучительный процесс становления парламентаризма. И если в до-революционной России либерально-демократическая интеллигенция всячески поддерживала Государственную думу, то наши "демократы"-интеллигенты через СМИ сделали максимум возможного для дискредитации Верховного Совета сначала Союза, а затем Российской Федерации, создавая в народе представление о нем как о балагане, говорильне, бастионе консерватизма и т.п. Да будет им известно, что они попросту приняли эстафету от черносотенцев — ненавистников парламентаризма. Но мне не припоминается, чтобы черносотенцы требовали "Раздавить гадину!", чем навеки прославили себя нынешние "демократы". Не лучше отношение и к нынешней Государственной думе. По свидетельству одного из честных демократов (В.Шейниса), в СМИ, в демократической прессе преобладает негативное, откровенно-издевательское отношение как к Государственной думе, так и к ее деятельности*. Такой подход вполне отвечает интересам режима, но свидетельствует о социальной забывчивости и политической беспринципности нашей "демократической" интеллигенции. Лично я давно перестал связывать перспективы демократии в России с нашими "демократами" и "либералами". Они, скорее, похожи на ее могильщиков.

Как видим, политически четвертооктябрьская система представляет собой авторитарную систему, в которой Президент, не считаясь, если сочтет нужным, с Конституцией, единолично управляет страной. Она олицетворяет власть меньшинства над большинством. Особенно опасными представляются идеи о возможности и чуть ли не о необходимости авторитаризма либерального типа**. Весь исторический опыт России вопиет против подобных иллюзий иных либералов.

Главный результат событий 21 сентября — 4 октября 1993 г., следовательно, необходимо видеть не в защите демократических порядков, а, напротив, в сильнейшем подрыве парламентаризма и демократии. Абсолютная президентская власть ограничена только общим развалом страны, слабостью государственных институтов, недоверием народа ко всем ветвям власти.

Вместе с тем правящему режиму присущи необонапартистские черты, ибо одной опоры на преданные ему военно-карательные силы, при утрате поддержки со стороны народных масс, недостаточно. Приходится лавировать между социальными слоями, корпорациями, бюрократическими и региональными кланами, прибегать к популистской фразеологии, периодически искать "козлов отпущения". Опасность необонапартизма в странах со слабыми демократическими традициями — в его стремлении к абсолютистской форме правления при сохранении видимости "направляемой демократии".

Не менее важной особенностью нынешней политической системы является ее закрытый характер. Так, механизм принятия решений на высшем уровне остается, как и в доброе старое время, тайной за семью печатями. Важнейшие решения, в том числе кадровые, принимаются за спиной народа и даже парламента. Не потому ли указы Президента, отражая борьбу клик в его окружении, нередко

* См.: Московские новости. 1994. 24—30 июля.

** См.: Ахизер А.С. От прошлого к будущему. М., 1994. С. 55.

грешат элементарным несоответствием конституционной законности. Информационная блокада населения касательно мотивов и инициаторов принятия тех или иных важнейших решений стала, наряду с большой ложью, составной частью государственной политики.

Нетрудно определить политическую основу четвертооктябрьской системы. Главным действующим лицом в ней является новая, вошедшая во власть из среды "демократов", и, главным образом, старая партийно-государственная бюрократия. Военщина и гражданская бюрократия по своей природе — силы антидемократической направленности. Думается, что невероятно разросшаяся бюрократия представляет шаткую и потому непрочную опору режима, так как раздирается обычными клановыми противоречиями, усугубляемыми жестокой борьбой за раздел и присвоение общенародной собственности, и всеми помыслами сосредоточена на наживе. Коррупция на всех уровнях власти, в том числе и в верхах, процветает потому, что ее почти официально рассматривают как источник быстрого создания класса капиталистов. Вряд ли я ошибусь, высказав мнение, что одной из целей государственного переворота было стремление узаконить плоды "великой криминальной революции". Стало общепринятым — и не только в оппозиционных кругах — убеждение, что столь некомпетентного и коррумпированного государственного аппарата, судя по печальным результатам реформ и катастрофическому состоянию страны, у нас не было давно (во всяком случае, со времени премьерства Б.Штюрмера — 1916 г.). Неограниченная и бесконтрольная власть гипербюрократии, ее ненасытная прожорливость в разграблении богатств страны превратилась едва ли не в главную опасность самому существованию России.

Несколько слов о попытке достижения общественного согласия, предпринятой правящим режимом. С его стороны — это шаг в правильном направлении, так как после своей победы и для стабилизации он нуждается если не в мире, то хотя бы в перемирии. Но объективные условия мало способствуют успеху Договора об общественном согласии в виду неизбежного обострения политической борьбы на почве недовольства народа хозяйственной разрухой. Да и многопартийность политической системы у нас весьма относительна. Партии, во-первых, малоавторитетны и, как правило, не имеют глубоких корней в массах. Во-вторых, они фактически не участвуют во власти и еще не приобрели чувства ответственности за управление страной. Посему Договор об общественном согласии воспринимается как очередной политический маневр правящих кругов. Да и репрессии против независимых профсоюзных лидеров, попытки ограничения свободы печати, выпады против газет, причем не только оппозиционных, и т.п. говорят сами за себя. Наконец, едва ли не самым слабым местом новой политической системы является отсутствие — за вычетом мифа о всесии рынка — воодушевляющей и сплывающей Большой идеи. Духовная нищета режима просто поразительна.

Вперед, к капитализму вчерашнего дня. Социальный смысл и историческое значение четвертооктябрьского режима состоят в ускорении процесса капитализации страны в интересах нарождающегося класса капиталистов. Да и сам режим нуждается в создании социально-родственной опоры в лице частных собственников. Имен-

но эта цель — капитализация страны, а вовсе не вывод ее из социального, экономического и духовного кризиса является стержнем всей политики режима. Ввиду этого трудно надеяться на стабилизацию экономики страны без смены политического и экономического курса, без его переориентации на создание смешанной, социально ориентированной экономики.

Принятый реформаторами свободный от всякого государственного регулирования либеральный тип рыночных отношений и сама логика капитализации страны потребуют дальнейших жертв: сокращения производства, деиндустриализации страны, свертывания научно-технического потенциала, разрушения аграрно-промышленного комплекса, массовой безработицы, дальнейшего ограбления народных масс государством и новыми богачами. В качестве строителей неокapитализма выступают экскoммунисты и теоретики социалистической экономики, обанкротившиеся в ходе построения "реального социализма". Мировой истории, да и истории России известны случаи, когда строителями капитализма в силу стечения исторических обстоятельств выступали отнюдь не буржуазные элементы. Наши же строители, руководствуясь советами МВФ и иностранных советников, не смогут построить национального жизнеспособного капитализма. Капитализм, создаваемый в нашей стране, — это капитализм вчерашнего дня, компрадорский, криминально-бюрократический по своей природе, зависимого типа развития. Это не нормальный капитализм, а капиталистический урод. Такой капитализм может быть только грубым и грабительским. А переплетение в нем всего и вся: раннекапиталистических форм, элементов современного капитализма (банки и финансово-промышленные группы), сохранившихся крупных блоков социалистического хозяйства, государственного монополизма, проявлений феодальных отношений создают именно такой облик. Напомним, что уродцем был и дореволюционный капитализм в России, что предопределило его историческую судьбу. Правда, нас убеждают, что со временем, лет эдак через 50—100, нынешний неокapитализм эволюционирует в культурный, приблизившись к западным образцам. Боюсь, что это не более чем иллюзии все тех же западников. К несчастью, наши реформаторы помешались на западничестве и к самостоятельному творчеству просто неспособны.

Далее. Кто является главным деятелем нашего строящегося капитализма? Честный предприниматель, создающий капитал в производственной сфере? Все знают, что наши новые капиталисты и капиталистики — это в большинстве своем вчерашние дельцы теневой экономики, спекулянты, компрадоры, воры, всякого рода мошенники, чиновники-коррупционеры. Клан капиталистов пополнила и часть "красных директоров", поспешивших присвоить себе через подставные фирмы и иными путями акционированные заводы и фабрики. В данном случае перед нами пример не столько капиталистического обогащения, сколько феодального присвоения. Национальный капитал, да еще в промышленно-технологическом звене, не может играть ведущую роль в экономике в условиях всеобщей криминализации хозяйства и методов хозяйствования.

Природа и источники стремительного и сказочного обогащения большинства наших капиталистов связаны не с нормальным рынком и нормальным же предпринимательством, а со спекуляцией и сомнительными финансово-торговыми операциями. Товарный дефицит, инфляция и свободный доступ к распродаже национальных ресурсов и богатств — вот что создало в кратчайшие сроки слой миллионеров. По сути, мы имеем эрзац-предпринимателей, т.е. особый социальный слой нажившихся на экономическом кризисе и обнищании народа. Именно этот класс нуворишей-богачей нуждается в "твердой власти", в диктатуре, ибо у них кружится голова, как и у власть имущих, от размеров украденной у народа собственности, и нарастает подспудная тревога за ее будущность.

Как мне представляется, надо до конца осознать классовую природу четвертооктябрьского режима и направление его эволюции. В отличие от послеавгустовского, он открыто берет на себя задачу обслуживания и защиты интересов частнохозяйственного капитализма, т.е. горстки богачей. Что касается "среднего класса", составляющего за рубежом и численно и качественно основу социальной эволюции и политической стабильности, то у нас он просто вымывается и сводится на нет экономической (налоговой) политикой правительства. Четвертооктябрьский режим является антисоциальным в том смысле, что ради капитализации страны в жертву приносятся коренные социальные завоевания и ценности — право на труд, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, на социальное страхование и т.п. Социальное расслоение — неизбежный спутник капитализма — приняло у нас чудовищные масштабы, угрожая быстрой поляризацией общества.

Есть все основания утверждать, что наше общество запоздало с новым социальным экспериментом. На пороге XXI в. мир вступает в постиндустриальную эпоху, которая может оказаться посткапиталистической. Нам же, не спросив нашего согласия, горстка правителей принудительно тянет назад, к пройденному этапу капитализма.

Если западный капитализм как общество "всеобщего благоденствия" — это строй, обеспечивающий достойную жизнь двум третям членов общества, то наш российский — от силы (и то со временем) едва дотянет до 10—20%. Жалкая участь в нем уготована нашей научно-технической интеллигенции, немало идейно потрудившейся над разрушением социализма и приближением страны "к столбовой дорожке мировой цивилизации". Что ж, по грехам и воздастся.

Четвертооктябрьский режим неспособен решить и общенациональную задачу возрождения России как великой державы, избавленной как от конфронтации с Западом, так и от унижительной зависимости от него. Он слишком (даже не столько экономически, сколько политически) нуждается в поддержке Запада и потому мирится с ролью младшего партнера в "восьмерке" и с "поддакивающей" дипломатией.

Прихожу к грустному выводу, что наш правящий режим не может возглавить интеграционные процессы в СНГ, хотя таковы бесспорные императивы общественного развития на территории бывшего Советского Союза (Евразии). Да и поддержание государственного единства и целостности самой России в огромной степени зависит от прогресса этой интеграции. Но ему приходится оглядываться на Запад, особенно

на США, не желающие восстановления нового Союза; к тому же и ресурсы России разбазарены и продолжают истощаться.

Каковы же наши перспективы? Пора, наконец, понять, что не будет на Великой Руси порядка и законности, а, следовательно, и экономического "чуда" до тех пор, пока мы радикально не пересмотрим свое историческое наследие в области государственного устройства и управления. Веками Россия управлялась единолично: вначале великими князьями, затем царями-самодержцами, после 1917 г. — вождями и генсеками Коммунистической партии, теперь Президентом. Для этой формы правления характерны полная бесконтрольность и безответственность верховной власти, приниженная роль Правительства, мелочное вмешательство верховной власти и ее аппарата и, что еще хуже, придворной камариллы, во все сферы общественной жизни страны и в деятельность Правительства, вплоть до его дублирования или подмены. Так, если говорить о царском самодержавии, то оно уже к началу XIX в. исчерпало свой творческий потенциал, объединив страну, создав громадную империю и отстояв ее независимость. В.И. Ленин был, конечно, великим преобразователем России, но именно он положил начало системе вождизма. Замечу здесь же, — он отчетливо понимал, что Россию будет трясти до тех пор, пока в ней не установится демократический строй (а в области экономики не будет завершена аграрно-индустриальная модернизация). Ко всем нашим бедам, М.С. Горбачев "осчастливил" нас институтом президентства. Прав был один из публицистов "Московских новостей", когда написал: "Сама эта должность упала на страну, как кирпич на голову... Не имея истории и корней на российской почве, слово это до сих пор остается заемным"*.

Б.Ельцин как экс-коммунист и бывший секретарь ЦК КПСС не мог ничего лучшего придумать, как в своем аппарате воспроизвести аппарат ЦК КПСС, а себя наделить абсолютной властью генсека, причем все это в силу эпитонства в наихудшем и губительном для страны варианте.

Между тем России давно нужно немного: сильное Правительство и авторитетный парламент. Правительство должно быть ответственно перед парламентом и формироваться победившей на очередных выборах политической партией или их коалицией. Оно, и никто другой, определяет внутреннюю и внешнюю политику и управляет страной с учетом ее федерального устройства и оптимально осуществимой децентрализации. Так мы не на словах, а на деле приблизимся к цивилизованным государствам и обретем гарантию, что демократия, причем в подлинном смысле народовластия, утвердится и на нашей многострадальной земле.

Четвертооктябрьская политическая система ведет нас не вперед, а назад — от демократии к авторитаризму, за спиной которого маячит диктатура плутократии. Нам действительно нужна сильная власть, по моему мнению, народно-демократическое государство с главной ролью в нем правительства. Такая левая альтернатива могла бы закрепить завоевания демократии в нашей стране и направить развитие общества по неонэповскому пути.

* Московские новости 1992. 22 ноября

Третьеиюньская система просуществовала менее 10 лет. Судя по всему, четвертооктябрьская обречена на более короткий исторический срок, так как неспособна решить ни одну из объективных задач, стоящих перед страной.

В последние годы не только монархисты, но и немалое число "демократов" начали шумную кампанию в пользу восстановления в России монархии. Разумеется, конституционной и, разумеется, с отпрысками Романовых во главе. Не думаю, что это была бы спасительная для страны мера. Да и не для того наши деды и отцы жестоко, по-романовски (вспомним 9 января 1905 г., Ленский расстрел 1912 г. и многие другие бессудные расправы с рабочими и крестьянами) ликвидировали династию Романовых, чтобы спустя 80 лет посадить на шею народа наследника, не имеющего к тому же никаких юридических прав на российский престол.

Как и многие публицисты, полагаю, что следует всерьез считаться с возможностью гражданской войны. Ведь четвертооктябрьский режим установлен партией гражданской войны, и его лидеры не дрогнут перед ее развязыванием для удержания бесконтрольной власти.

Очаг гражданской войны, опасный своими последствиями как для государственной целостности России, так и для судеб ее демократии, мы уже имеем в Чечне. Прав был М.Хефтер, заявив, что события в Чечне означают, что "пришел час расплаты за кровь 3—4 октября былого года"*.

"Демократы" и подпевающие им СМИ запугивают угрозой фашизма, используя как жупел "красно-коричневых", Жириновского, баркашовцев и т.д. и т.п. Но ведь мы знаем, что главные почитатели и последователи генерала Пиночета пребывают в рядах "демократов", да и не раз, находясь у власти, они поступали как "коричневые". Поэтому, если чего и стоит опасаться с этой стороны, так это демофашизма. Народный инстинкт москвичей во время сентябрьско-октябрьских событий прошлого года верно подсказал демонстрантам у Белого дома лозунг: "Фашизм не пройдет!" Избавь нас Бог от него, как и от любой диктатуры.

И последнее. Надо отдать себе ясный отчет в том, что на основе непомерных социальных издержек от новой капитализации страны, свертывания демократии и парламентаризма Россия на рубеже XX и XXI вв. вступает в полосу нового общественного кризиса, исход которого, с учетом очерченных выше альтернатив, непредсказуем. Одно можно сказать — без демократического обустройства Россия жить не может. А жить она будет.

Вопрос. Вы сказали немало жестких слов в адрес Президента и современного Правительства, добавили даже, что современный режим хуже коммунистического. Но, видите ли, когда я могу купить и "Завтра", и "Московский комсомолец", и другие газеты, я в это не верю. Что касается автократического режима, то сама возможность свободно говорить с этой трибуны без всяких последствий для Вас — тоже свидетельство того, что сейчас у нас режим отнюдь не тот.

Ответ. Я говорил не о меньших гласности и доступности информации, я говорил о другом: сейчас, при отсутствии местного самоуправления, власть оторвана от народа и отстоит так же далеко или,

* Независимая газета 1994 17 декабря

может быть, даже дальше, чем при коммунистическом режиме. Что касается гласности, свободы слова — это те завоевания, которые еще остались, хотя налицо явная тенденция к их ограничению и, я уверен, она будет нарастать и дальше. Наступающий авторитаризм, как показывает исторический опыт нашей страны, постепенно отбирает демократические завоевания.

Вопрос. Вы представили картину России, ее последнего периода, как что-то особенное, необыкновенное для современного мира, в том смысле, что здесь нет демократии, что Президент не считается с народом, оторван от него и т.д. Но в чем же особенность этой страны? Я бы хотел напомнить, что так живет большинство стран мира. Я не думаю, что правомерно сравнивать Россию с Англией или Францией. Когда я говорю "большая часть мира", то имею в виду так называемый "третий мир". Так называемые развивающиеся страны живут точно так, как Вы описали. И в этом смысле, как бы ни дрались между собой политики, и как бы ни спорили между собой представители разных фракций Думы, им не удастся автоматически вырваться из ситуации, компоненты которой — компрадорская буржуазия и компрадорский капитализм, примитивное развитие, диктаторские методы, банды на улицах т.д. Какая же разница в этом смысле между Мексикой, Бразилией, Индией, Индонезией и Россией?

Ответ. Ну что ж, Вы правы в своих замечаниях, — у нас действительно много сходного с тем, что происходит и в других странах, и, особенно в странах "третьего мира", в той же Латинской Америке. Я дал суровые оценки положения в нашей стране не потому, что не знаю, какова там ситуация. Суровость моей оценки вызвана тем, что в нашей публицистике и среди части наших общественников бытует розовый подход к нашей действительности. Сколько было криков по поводу единовластия Советов или двоевластия! Но я занимался Советами и знаю, что единовластие Советов кончилось еще летом 1918 г. Или сколько было шума и упреков, что при коммунистическом режиме не было разделения властей. А где оно сейчас, это разделение? Нет его. Вся полнота власти сосредоточена в руках одного Президента и его окружения, его команды. Я не считаю, что Россия уже стала недемократической страной. Но это уже квазидемократизм, судя по тому, насколько права человека реально защищены в условиях вала преступности. И если в названных Вами и даже в европейских странах это — проявление нормального жизненного процесса, то у нас, в условиях становления демократии, должно быть очень требовательное отношение всех заинтересованных в демократическом переустройстве России к промахам власти и к тому, как ведется демократическое строительство.

Вопрос. Ваша идея сопоставить то, что Вы назвали четвертооктябрьским режимом, с третьеиюньским выглядит публицистически красивой. Но не кажется ли Вам, что ее публицистическая красота сработала как бы в ущерб научной стороне анализа? Я поясню, о чем идет речь. Вы совершили насилие над фактами, описав достаточно красноречиво и, по-моему, достаточно точно лишь одну сторону имевших место столкновений: и единовластие, и расстрел парламента, и полную загадку для народа о принимающих решения по Чечне. Страдающая сторона у Вас выглядит очень симпатично. Но если

говорить о провокациях, то, наверное, 3 октября в стране не было более выдающегося провокатора, чем Руцкой; не было и более выдающегося лжеца, чем Хасбулатов среди политиков последних лет. Если говорить о стрельбе, то в отличие от 3 июня, весь мир наблюдал по телевизору рейд отряда Макашова к Останкино, где пролилась кровь (а ведь и захват мэрии, и призывы Хасбулатова и Руцкого идти на Кремль и на Останкино — все это произошло до расстрела здания Верховного Совета). На меня произвел большое впечатление рассказ находившейся там финской журналистки, бывшей коммунистки, о том, с каким ужасом она смотрела на Руцкого рядом с баркашовцами со свастикой. Я не думаю, что людям с советским прошлым может быть безразлично подобное политическое явление, и не думаю, что такой полк Руцкого можно было считать безопасным. В результате Ваш рассказ об одной стороне событий соответствует действительности, но умолчание о другой — делает Ваш анализ по крайней мере неполным. Кроме того, не кажется ли Вам, что, вообще, попытка описать события конца XX в. в категориях капитализации (Вы не сказали, переход от чего — к капитализму; от социализма, может быть? Хотелось бы уточнить.), т.е. при помощи традиционного марксистско-ленинского инструментария, обречена на неудачу?

Ответ. О схожести двух событий — начала и конца XX в. Меня самого поразила эта схожесть, схожесть, вплоть до аргументации. Я говорил о нетрадиционном составе Думы, о цели политической системы третьей ионьской монархии, которая заключалась, во-первых, в том, чтобы, добившись успокоения, начать реформы и, во-вторых, расчистить почву для ускорения капиталистического развития страны. Примерно в этом (нравится или нет моя терминология, мой инструментарий), объективно, конечно, заключается смысл политики нынешнего Правительства, а также смысл политики Правительства Ельцина и Гайдара. Можно привести еще немало примеров, которые показывают: да, прошлое не повторяется в чистом виде, но оно дает основания для сопоставления и для каких-то параллелей. А уроки прошлого дают нам материал для предостережений. Третьеионьская система не увенчалась успехом, и ее поражение служит предостережением для ее современной наследницы.

Теперь о том, что не показаны действия страдающей стороны: стрельба, рейд Макашова и т.д. Видите ли, я считаю, что эта сторона у нас и показана, и изучена, к сожалению, хуже всего. Есть две или три точки зрения, а никаких объективных выводов до сих пор, все-таки, не сделано. Я смотрел телевизионные передачи, читал все материалы — и остаюсь при мнении, что инициатором большой провокации был Президент и его команда. Провокации против конституционного строя начались не 21 сентября 1993 г., а, как вы знаете, в декабре 1991 г. и в марте 1992 г. Все эти заявления о подготовке чего-то (к сожалению, сбывшиеся), в общем-то, носили явно провокационный характер, в устах высшего должностного лица они не должны были бы звучать. Но наш Президент может говорить все что угодно. Сегодня одно — завтра другое.

Теперь об ответственности Хасбулатова и Руцкого. Я отнюдь не снимаю с них вины. Они оказались несостоятельными лидерами,

претендовавшими на то, чтобы возглавить народное движение. Более того, они частично провоцировали, а частично сами стали жертвами той большой провокации, которая творилась за их спиной. Так я понимаю эту проблему. Картина, конечно, более сложная, чем я мог набросать ее в кратком докладе. Но ведь и та картина, которую рисуют, к примеру, "Известия", тоже достаточно схематична, с ней тоже нельзя согласиться. И новые документы, и новые свидетельства, и даже политика нашего Правительства в отношении Чечни — все это показывает, что Правительство идет тем же путем силовых решений. стыдно было все эти дни слышать о "неизвестных" самолетах, о том, как высшие должностные лица открещивались от наших военнослужащих, и о многом другом. Это что — демократия?

Что же касается марксистско-ленинского инструментария, то я не считаю, что его надо выбрасывать на свалку, как поторопились выкинуть в свое время идеи сторонников либерализма.